

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-552-558

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ЕРЕМЕЕВ Терентий Михайлович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат Коллегии адвокатов «Московский юридический центр»,

e-mail: Terentiyeremeev8@yandex.ru

Научный руководитель:

ТАРАСЕНКО Ольга Александровна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГУЛЯТОРНЫХ ПЕСОЧНИЦ В СФЕРЕ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАНАХ ЕАЭС

Аннотация. Настоящая статья представляет собой системный анализ правовых конструкций, используемых в рамках регуляторных песочниц в финансовой сфере стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Целью исследования является идентификация специфических черт национальных подходов и разработка предложений по унификации правового регулирования для обеспечения трансграничного тестирования финансовых продуктов. Объектом исследования выступает правовая архитектура регуляторных песочниц. Методологическая база включает анализ нормативных актов и научной литературы в таких областях, как финансовые маркетплейсы и цифровые финансовые активы. Результаты исследования демонстрируют существенные различия в моделях регулирования, применяемых в странах-участницах: Россия использует единую песочницу, Казахстан – двухконтурную систему, Кыргызстан – монолитную модель, Беларусь – субъективно-ориентированный подход (Парк высоких технологий), а Армения – точечный. Новизна работы заключается в предложении об отмене исключения финансового сектора из общих специальных режимов ЕАЭС и создании трансграничных песочниц под эгидой союза.

Ключевые слова: регуляторная песочница, Россия, Банк России, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Парк высоких технологий, Армения, ЕАЭС.

EREMEEV Terenty Mikhailovich,

postgraduate student of the Department of Business and Corporate Law Kutafin Moscow State Law University (MSAL), attorney of the Moscow Law Center Bar Association

Supervisor:

TARASENKO Olga Alexandrovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, O.E. Kutafina Moscow State Law University (MSLA)

THE LEGAL BASIS FOR THE FUNCTIONING OF REGULATORY SANDBOXES IN THE FIELD OF FINANCIAL TECHNOLOGIES IN THE EAEU COUNTRIES

Annotation. This article is a systematic analysis of the legal structures used within the framework of regulatory sandboxes in the financial sector of the member countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). The purpose of the study is to identify the specific features of national approaches and develop proposals for the unification of legal regulation to ensure cross-border testing of financial products. The object of the study is the legal architecture of regulatory sandboxes. The methodological framework includes an analysis of regulations and scientific literature in areas

such as financial marketplaces and digital financial assets. The results of the study demonstrate significant differences in the regulatory models used in the participating countries: Russia uses a single sandbox, Kazakhstan uses a two-circuit system, Kyrgyzstan uses a monolithic model, Belarus uses a subjectively oriented approach (Hi-Tech Park), and Armenia uses a point-based approach. The novelty of the work lies in the proposal to abolish the exclusion of the financial sector from the general special regimes of the EAEU and create cross-border sandboxes under the auspices of the union.

Key words: *regulatory sandbox, Russia, Bank of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Belarus, Hi-Tech Park, Armenia, EAEU.*

В условиях ускоренной цифровизации финансовых рынков регуляторные песочницы окончательно перестали восприниматься как временный эксперимент, превратившись в институциональный стандарт, позволяющий государствам балансировать между стимулированием технологических инноваций и обеспечением финансовой стабильности. Для стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) данный вопрос приобретает особое значение: несмотря на заявленные цели глубокой экономической и финансовой интеграции, финансовый рынок был исключен из сфер применения специальных режимов на уровне союза [9]. Отсутствие унифицированного наднационального регулирования создает правовые барьеры для трансграничного тестирования финансовых технологий (финтех) и асимметрию конкурентных условий для резидентов разных юрисдикций. В то же время национальные модели России, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и Армении демонстрируют различные подходы к легализации регуляторных песочниц: от принятия специальных федеральных законов и президентских декретов до ведомственных актов центральных банков и создания особых правовых юрисдикций с автономным правовым порядком. Системный анализ этих правовых конструкций представляется необходимым шагом не только для понимания текущей архитектуры регуляторного эксперимента, но и для выработки перспективных ориентиров гармонизации финтех-регулирования в рамках ЕАЭС.

Анализируя сегодня правовую архитектуру российских регуляторных песочниц в сфере финансовых технологий, мы обнаруживаем систему, в которой общий законодательный каркас и специализированный финансовый инструментарий существуют в одном пространстве, но живут по разной логике. Фундаментом служит Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [10] (далее - Закон об ЭПР), принятый в июле 2020 года (вступивший в силу в 2023 году) и закрепивший саму конструкцию

временного отступления от действующих норм ради тестирования цифрового продукта в реальной среде [4; с. 186]. Однако финансовый сектор получил собственный инструмент намного раньше: регуляторная песочница Банка России была запущена в 2018 году на основании внутренних нормативных актов регулятора (Положения Банка России № 5634-У [11] и сопутствующих указаний), а уже после принятия Закона об ЭПР была методологически встроена в его логику, сохранив при этом операционную самостоятельность. Это разделение, общий закон как рамка и специализированный механизм Банка России как содержание, задает всю дальнейшую архитектуру.

Механика песочницы Банка России устроена следующим образом: финансовая организация или технологическая компания подает заявку на тестирование инновационного сервиса, регулятор оценивает риски для потребителей и финансовой стабильности, и при положительном решении стороны заключают соглашение, в котором зафиксирован конкретный перечень норм, временно неприменимых к участнику. Правовая природа этого соглашения – один из наиболее дискуссионных вопросов в российской финансово-правовой доктрине: формально оно не является нормативным актом, однако фактически создает для участника индивидуальный правовой режим, отличный от общего. Срок тестирования, как правило, составляет от трех месяцев до года, а круг допустимых к тестированию направлений регулятор очерчивает через периодически обновляемый перечень приоритетных технологий: в разные годы туда входили биометрическая идентификация, дистанционное открытие счетов, роботизированное инвестиционное консультирование и операции с цифровыми финансовыми активами. Именно последнее направление обнаруживает любопытную закономерность: тестирование операций с ЦФА в песочнице предшествовало принятию Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12] в 2020 г., то

есть сам закон «вырос» из экспериментального режима, а не наоборот.

Через песочницу Банка России прошли проекты, ставшие впоследствии частью стандартной финансовой инфраструктуры страны. Хорошо известно, что именно в режиме регуляторного тестирования отработывалась модель финансового маркетплейса – платформы, позволяющей физическому лицу открывать вклады и приобретать финансовые продукты разных организаций через единый интерфейс без личного визита в офис. Проект, впоследствии реализованный через платформу «Маркетплейс» Банка России и получивший законодательное оформление в Федеральном законе № 211-ФЗ 2020 года [13], прошел именно через стадию песочницы, где отработывались вопросы идентификации клиента, распределения ответственности между платформой и поставщиком продукта, а также порядка передачи данных [1; с. 30]. Этот случай показывает, что песочница в финансовом секторе функционирует не только как защитный буфер для компании, но и как инструмент законодательного проектирования для самого регулятора – пространство, где будущая норма проходит практическую проверку до того, как стать обязательной.

Сегодняшний взгляд на правовую структуру финансового регулирования ЭПР Казахстана раскрывает механизм, который по своей сути больше похож на прецизионный научный опыт, чем на обычный наглядный аппарат. Регуляторная песочница – это режим временного освобождения от части обязательных норм, предоставляемый участнику финансового рынка для тестирования инновационного продукта или услуги в реальной среде, то есть среди клиентов, с физическими деньгами, но под плотным наблюдением регулятора. Правовым фундаментом этого режима в Казахстане служит Закон «О Национальном Банке Республики Казахстан» [14] с поправками 2018-2020 годов, закрепившими за регулятором полномочие устанавливать специальный регуляторный режим, а также Указ Президента «О дальнейшем совершенствовании системы государственного управления Республики Казахстан» 2019 года [15], передавший эти полномочия Агентству по регулированию и развитию финансового рынка (АРРФР) – структуре, выделенной из Национального банка и принявшей на себя функцию пруденциального надзора [2; с. 202]. Именно это разделение (Национальный банк как эмиссионный центр и АРРФР как надзорный орган) создало двухполюсную систему, внутри которой песочницы получили институциональную прописку.

Любопытным поворотом здесь становится то, что сами песочницы в Казахстане существуют в двух географически и юридически разных пространствах, и логика каждого из них устроена по-своему:

Первое – Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), действующий с 2018 года на основе конституционного закона и располагающий собственной правовой системой, основанной на принципах английского права, собственным судом и арбитражем. Регуляторная песочница МФЦА, запущенная Комитетом МФЦА по регулированию финансовых услуг (AFSA), позволяет финтех-компаниям тестировать продукты (от роботизированного инвестиционного консультирования до платформ исламского краудфандинга) в режиме временной лицензии сроком до двенадцати месяцев с возможностью продления [5; с. 147].

Второе пространство – песочница самого Национального банка, распространяющаяся на участников «материкового» финансового рынка Казахстана и регулируемая постановлениями Правления АРРФР. Здесь тестируются преимущественно платежные сервисы, инструменты дистанционной идентификации и продукты страхового сектора. Два периметра существуют параллельно, и компания, получившая статус участника в одном, автоматически не приобретает статус в другом.

Если смотреть на эту конструкцию не изнутри одного периметра, а с высоты всей системы, проступает механика, которую сложно заметить вблизи. Участник песочницы получает так называемое «регуляторное облегчение» – перечень конкретных норм, от соблюдения которых он временно освобожден, фиксируется в индивидуальном соглашении с регулятором. Это означает, что правовой режим каждого участника буквально уникален: два финтеха внутри одной песочницы могут работать по разным наборам исключений. В свою очередь, такая гибкость имеет свою цену – регулятор вправе в любой момент в одностороннем порядке прекратить статус участника, если сочтет, что риски для потребителей превысили допустимый порог, причем основания для такого решения прописаны достаточно широко, чтобы оставлять регулятору значительно широкие дискреции.

Исследование текущей правовой базы для регуляторных песочниц в сфере финтеха Кыргызстана выявляет, что ее фундаментом служит закон «О Национальном банке, банках и банковской деятельности Кыргызской Республики», а также специализированное положение «О специальном режиме регулирования», принятое Национальным банком

Кыргызской Республики (НБРК) [8; с. 74]. Правовой механизм, закрепленный указанными актами, строится вокруг индивидуального разрешения – документа, который НБРК выдает каждому участнику песочницы отдельно и в котором фиксируются конкретные виды допустимых операций, максимальные суммы транзакций, предельное число клиентов и срок тестирования, составляющий по общему правилу двенадцать месяцев с возможностью однократного продления. Участником может стать как уже лицензированная финансовая организация, тестирующая новый продукт за пределами своей текущей лицензии, так и компания, вовсе не имеющая финансовой лицензии, и именно второй случай представляет наибольший интерес, поскольку открывает вход в регулируемое пространство для технологических стартапов, которые при стандартном лицензировании столкнулись бы с требованиями, заведомо несоразмерными масштабу их деятельности. Однако, вход в саму песочницу устроен таким образом, что «случайные» участники отсеиваются высоким входным порогом требований: заявка должна содержать детальное описание бизнес-модели, анализ регуляторных барьеров, которые делают тестирование в обычном режиме невозможным, и план защиты потребителей на случай досрочного прекращения эксперимента. Последнее требование – план выхода – говорит о том, что регулятор изначально закладывает в конструкцию возможность неудачи как штатного прогнозируемого исхода.

Среди направлений, которые НБРК определил приоритетными для тестирования в рамках песочницы: платежные сервисы на основе мобильных технологий, системы дистанционной идентификации клиентов, платформы для денежных переводов и инструменты исламского финансирования. Последнее направление заслуживает отдельного внимания: Кыргызстан последовательно развивает нормативную базу исламских финансов с 2006 года, и песочница стала логичным продолжением этой линии – пространством, где новые инструменты, основанные на принципах шариата, могут проходить практическую проверку до того, как получат постоянное регуляторное оформление. Хорошо известно, что именно через режим тестирования в Кыргызстане отработывались модели агентского банкинга – проекты, при которых небанковские агенты осуществляют базовые финансовые операции от имени лицензированного банка в труднодоступных районах страны, где открытие полноценного отделения экономически нецелесообразно. Эта деталь обнажает географическое измерение кыргызской песочницы: значительная часть

тестируемых моделей направлена на охват финансово недообслуживаемого населения, и регулятор встраивает задачу финансовой инклюзии прямо в критерии отбора участников.

Если смотреть на кыргызскую песочницу в сравнении с казахстанской или российской моделями, проступает принципиальное структурное отличие. В Казахстане действуют два параллельных периметра (МФЦА и АРРФР), каждый со своей правовой системой и своим кругом участников, что создает многоуровневую систему с четким разделением зон ответственности. В России песочницы интегрированы в единую федеральную структуру под эгидой Центрального Банка, с унифицированными правилами и централизованным надзором, ориентированным на масштабируемость. Кыргызстан же выбрал компактную монолитную модель в рамках Национального банка, без параллельных юрисдикций, что упрощает регуляторный процесс, но по-нашему мнению, ограничивает гибкость и международную привлекательность для крупных игроков.

Правовым фундаментом белорусской регуляторной песочницы в сфере финтех-а служит Декрет Президента № 8 «О развитии цифровой экономики», подписанный в декабре 2017 года и вступивший в силу в марте 2018-го [16]. Именно этот документ, создавший Парк высоких технологий как особую юрисдикцию, заложил механизм, при котором резиденты ПВТ получили право работать с криптовалютами, токенами и смарт-контрактами в условиях, выведенных за рамки общего гражданского и финансового законодательства страны: то есть экспериментальный режим здесь конструировался через изъятие из общего правового поля, а не через надстройку над ним [6; с. 297]. Национальный банк Республики Беларусь при этом сохранил надзорные полномочия, однако их объем в отношении резидентов ПВТ был существенно сужен: оборот цифровых активов внутри периметра песочницы выводился из-под действия законодательства о ценных бумагах и банковского надзора в традиционном понимании. Стоит отметить, что правовая база режима ПВТ претерпела изменения с 2018 г., включая введение Указом Президента республики Беларусь № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» от января 2026 г. института «криптобанков» с двойным наблюдением [17].

Любопытным поворотом здесь становится то, что белорусская модель изначально строилась вокруг субъекта – резидента ПВТ, а не вокруг конкретной технологии или продукта. Компания, получившая статус резидента, автоматически попадала в льготный правовой режим вне

зависимости от того, какой именно финтех-инструмент она разрабатывала, что создавало широкую, но слабо дифференцированную зону эксперимента [3; с. 286]. Надзор за соблюдением условий работы в этой зоне был распределен между администрацией ПВТ и Национальным банком, однако механизмы их координации в Декрете № 8 прописаны рамочно, без детальных процедур разрешения компетенционных коллизий, и этот пробел со временем стал точкой напряжения между скоростью технологического развития резидентов и темпом адаптации надзорных инструментов.

Армянская регуляторная песочница в сфере финансовых технологий формировалась иначе: через институциональную инициативу Центрального банка Республики Армения, а не через президентский декрет с широким охватом. В 2019-2020 годах ЦБ Армении разработал и внедрил собственную концепцию инновационного хаба и экспериментального режима, опираясь на полномочия, предоставленные ему Законом «О Центральном банке Республики Армения» [18] в части регулирования платежных систем и надзора за финансовыми организациями. Источниками дополнительного регулирования служат: Закон РА «О платежно-расчетных системах и платежно-расчетных организациях» [19], и нормативные акты центрального банка РА, которые регламентируют обращение электронных денег и деятельность платежных организаций.

Если смотреть на масштаб армянской песочницы в общем, то мы можем обнаружить характерную асимметрию: инструмент создавался точечным, что позволило ЦБ Армении выстроить плотный надзорный контакт с каждым участником эксперимента, в отличие от белорусской модели, где широта охвата оборачивалась разреженностью надзора. Участники армянской песочницы работали на основании рамочных соглашений с регулятором, фиксирующих допустимые параметры деятельности, ее сроки и условия выхода из экспериментального режима в стандартное лицензирование [7; с. 72]. Стоит отметить, что такая конструкция воспроизводила логику британской «FCA Sandbox», адаптированной под армянский рынок с его значительно меньшей емкостью и иным профилем рисков.

Более глубокое изучение правопорядков стран участниц ЕАЭС в части ЭПР и непосредственно регуляторных песочниц позволяет нам выявить ряд интересных институциональных решений по устройству данных механизмов, их функционирования и мониторинга процесса апробирования пилотных проектов на финансовом рынке.

Также ввиду активного внедрения цифровых инноваций в финансовый сектор по всему миру, консолидирование усилий стран участниц ЕАЭС в этом направлении, активный обмен опыта на уровне центральных банков, кредитных организаций и профессиональных участников рынка является как некогда актуальным, в связи с чем создание наднациональной настройки в рамках ЕАЭС, позволяющей обмениваться опытом, полученным в рамках реализации ЭПР, а также создавать трансграничные эксперименты в финтехе имеет под собой основание.

Таким образом, исследование национальных подходов к регулированию финтеха в странах ЕАЭС позволило выработать два взаимосвязанных предложения для совершенствования наднационального регулирования:

Пересмотр позиции по применению специальных режимов в финансовом секторе: требуется отменить п. 2 Распоряжения Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г. № 17, который рекомендовал исключить финансовый рынок из сферы применения специальных режимов. Данная рекомендация, сформулированная в 2018 г. устарела и противоречит текущей практике. Так, на данный момент все страны ЕАЭС уже активно используют национальные регуляторные песочницы именно в финансовой сфере. Сохранение этого пункта создает искусственные препятствия для гармонизации финтех-регулирования и формирования единого финансового рынка ЕАЭС. Опыт национальных юрисдикций показывает, что финансовые песочницы служат эффективным инструментом для законодательного прототипирования, позволяя тестировать новые нормы и модели до их официального принятия. Кроме того, сохранение данного пункта приводит к неравным конкурентным условиям для резидентов разных стран ЕАЭС, снижая инвестиционную привлекательность всего интеграционного пространства.

Создание наднациональной основы для трансграничных финтех-песочниц. Необходимо дополнить Приложение 16 к Договору о ЕАЭС нормой, которая официально разрешит применение специальных режимов для цифровых финансовых технологий на трансграничном уровне. Конкретная норма должна предусматривать: «Государства-члены обеспечивают возможность проведения трансграничного тестирования инновационных финансовых услуг в рамках наднационального регуляторного эксперимента. Участник такого эксперимента, получивший статус в юрисдикции одного Государства-члена, вправе оказывать услуги в юрисдикциях иных

Государств-членов в объеме, согласованном в индивидуальном соглашении с регулятором, при условии соблюдения базовых стандартов защиты потребителей, финансовой стабильности и информированной безопасности, утверждаемых Коллегией Евразийской экономической комиссии».

В совокупности эти изменения создадут необходимую правовую базу для трансграничного финтех-тестирования, позволят использовать регуляторные песочницы для гармонизации финансового регулирования и ускорят цифровую трансформацию ЕАЭС, обеспечивая при этом финансовую стабильность и защиту прав потребителей, а также повысит инвестиционную привлекательность союза.

Список литературы:

- [1] Гаврин Д.А. Особенности совершения сделок с использованием финансовой платформы // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 5. – С. 29-35.
- [2] Дячук М.И. Регуляторная песочница в Республике Казахстан: пути совершенствования // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2022. – № 3 (70). – С. 196-204.
- [3] Киреева Е.Ф. Налогообложение цифрового бизнеса в Беларуси: новые подходы и стимулирующие механизмы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 46. – С. 279-290.
- [4] Кравченко Л.А., Троян И.А., Лю С. Экспериментальный правовой режим: содержание и основные задачи в сфере финансовых технологий // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2024. – № 3 (68). – С. 184-195.
- [5] Рахатов Э.Р. Роль МФЦА в регулировании цифровых активов в Казахстане: проблемы и ограничения // Трибуна молодого ученого / Научные труды «ӘДІЛЕТ». – 2025. – № 2. – С. 144-153.
- [6] Усоський В.Н. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» и опыт функционирования криптовалютного финтеха в Беларуси // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17-1. – С. 295-300.
- [7] Karyan A., Karyan, V. The Necessity to Introduce a Transitional Experimental Platform for Digital Technology Financial Services and Products in RA. Bulletin of Yerevan University G: Economics. – 2023. – Т. 14. – № 2(41). – С. 67-81.
- [8] Makarov V. Experimental legal regimes (regulatory sandboxes). // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío. – 2022. – № 34. – С. 71-79.
- [9] Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г. № 17 «О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза – [Электронный ресурс] – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/324/4011/> (дата обращения 15.04.2026).
- [10] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 173.
- [11] Указание Банка России от 25.11.2020 № 5634-У «О перечне технологий, с применением которых вводятся в употребление, создаются или используются цифровые инновации на финансовом рынке в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2020 № 62006) // Вестник Банка России. – 2021. – № 3.
- [12] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 2020. № 173.
- [13] Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Российская газета. – 2020. – № 162.
- [14] Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.03.2026 г.) // Казахстанская правда. – 1995. – № 73.
- [15] Указ Президента Республики Казахстан от 11 ноября 2019 года № 203 «О дальнейшем совершенствовании системы государственного управления Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.01.2026 г.) // САПП Республики Казахстан. – 2019. – № 51-52. – ст. 399.
- [16] Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2018. – № 1.
- [17] Указ Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. №19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2026. – № 3-1/22319.
- [18] Закон Республики Армения от 30 июня 1996 года №ЗР-69 «О Центральном банке

Республики Армения» // Официальные ведомости Республики Армения. – 1996. – №154.

[19] Закон Республики Армения от 21 декабря 2004 года №3Р-150 «О платежно-расчетных системах и платежно-расчетных организациях» // Официальные ведомости Республики Армения. – 2004. – №72 (371). – Ст. 1471.

References:

[1] Gavrin D.A. Features of transactions using a financial platform//Russian law: education, practice, science. – 2021. – № 5. - S. 29-35.

[2] Dyachuk M.I. Regulatory sandbox in the Republic of Kazakhstan: ways to improve//Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2022. – № 3 (70). - S. 196-204.

[3] Kireeva E.F. Taxation of digital business in Belarus: new approaches and incentive mechanisms// Bulletin of Tomsk State University. Economics. – 2019. – № 46. - S. 279-290.

[4] Kravchenko L.A., Troyan I.A., Liu S. Experimental legal regime: content and main tasks in the field of financial technologies//Scientific Bulletin: finance, banks, investments. – 2024. – № 3 (68). - S. 184-195.

[5] Rakhatov E.R. The role of the AIFC in the regulation of digital assets in Kazakhstan: problems and restrictions//Tribune of a young scientist/Scientific works “Ө DILET.” – 2025. – № 2. - S. 144-153.

[6] Usosky V.N. Decree of the President of the Republic of Belarus No. 8 “On the Development of the Digital Economy” and the experience of cryptocurrency fintech in Belarus//Russia: trends and development prospects. – 2022. – № 17-1. - S. 295-300.

[7] Karyan A., Karyan, V. The Necessity to Introduce a Transitional Experimental Platform for Digital Technology Financial Services and Products in RA. Bulletin of Yerevan University G: Economics. – 2023. - T. 14. – № 2(41). - S. 67-81.

[8] Makarov V. Experimental legal regimes (regulatory sandboxes). // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío. – 2022. – № 34. - S. 71-79.

[9] Order of the Eurasian Intergovernmental Council of November 27, 2018 No. 17 “On the development of the concept of using special regimes (“regulatory sandboxes”) as part of the implementation of the digital agenda of the Eurasian Economic Union “//Official website of the Eurasian Economic Union - [Electronic resource] - URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/324/4011/> (date of appeal 15.04.2026).

[10] Federal Law of 31.07.2020 No. 258-F

(ed. 31.07.2025) “ On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation “//Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – № 173.

[11] Bank of Russia Ordinance No. 25.11.2020 , dated 5634-U, “On the List of Technologies Used to Introduce, Create or Use Digital Innovations in the Financial Market within the Framework of Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations” (Registered with the Ministry of Justice of Russia 31.12.2020 No. 62006)//Bank of Russia Bulletin. – 2021. – №3.

[12] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ (as amended on 15.12.2025, as amended on 20.01.2026) “ On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation “//Rossiyskaya Gazeta, 2020. № 173.

[13] Federal Law of 20.07.2020 No. 211-FZ (as amended by 27.10.2025) “ On Financial Transactions Using a Financial Platform “//Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – № 162.

[14] Law of the Republic of Kazakhstan dated March 30, 1995 No. 2155 “On the National Bank of the Republic of Kazakhstan” (as amended as of 19.03.2026)//Kazakhstanskaya Pravda. – 1995. – № 73.

[15] Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated November 11, 2019 No. 203 “On further improvement of the public administration system of the Republic of Kazakhstan” (as amended and supplemented as of 28.01.2026)//SAPP of the Republic of Kazakhstan. – 2019. – № 51-52. - Art. 399.

[16] Decree of the President of the Republic of Belarus dated December 21, 2017 No. 8 “On the Development of the Digital Economy “//National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. – 2018. – № 1.

[17] Decree of the President of the Republic of Belarus dated January 16, 2026 No. 19 “On crypto banks and certain issues of control in the field of digital signs (tokens) “//National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – 2026. – № 3-1/22319.

[18] Law of the Republic of Armenia of June 30, 1996 No. 3P-69 “On the Central Bank of the Republic of Armenia “//Official Gazette of the Republic of Armenia. – 1996. – №154.

[19] Law of the Republic of Armenia dated December 21, 2004 No. 3P-150 “On Payment and Settlement Systems and Payment and Settlement Organizations “//Official Gazette of the Republic of Armenia. – 2004. – №72 (371). - Art. 1471.